

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-52-61

ВКЛАД АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ В ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (ИЗ ОПЫТА ПУБЛИКАЦИИ СБОРНИКА ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ «СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА»)

Лазарева Л. Н.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить роль публикации архивных документов в формировании исторической памяти общества.

Процедура и методы. Работа построена на опыте подготовки автором документальных публикаций, а также на обобщении существующих данных в отечественной и зарубежной историографии.

Результаты. В наступившей реальности информационных войн и технологий, позволяющих манипулировать общественным сознанием, формирование исторической памяти, базирующейся на достоверной информации о прошлом страны, приобретает стратегическое значение. Публикация документальных сборников позволяет эффективно противостоять угрозе десоверенизации, выступая своеобразным «доктором» исторической памяти общества. Поиск причин гибели СССР требует анализа «сталинской» социально-экономической модели, оставшейся «скелетом» советского «проекта» даже после XX съезда партии. Отсюда следует актуальность проекта, реализуемого на базе фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) под руководством доктора исторических наук, профессора В. В. Журавлёва.

Теоретическая и/или практическая значимость. В линейке документальных публикаций уже вышли и получили высокую оценку исследователей работы «Экономическое наследие позднего сталинизма. 1947–1953 гг.» и «Социальная политика СССР в послевоенные годы (1947–1953 гг.). Документы и материалы», которые позволяют сопоставить долгосрочную концепцию развития страны с практическим её воплощением в послевоенной социальной политике, выявляя как грандиозность замыслов и целей, так и цену, заплаченную обществом за попытку их реализации.

Ключевые слова: гибель СССР, информационные войны, историческая память, поздний сталинизм, документальная публикация, социальная политика, советская экономика, догоняющая модернизация

Благодарности. Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 21-09-43005.

CONTRIBUTION OF ARCHIVAL DOCUMENTS TO THE FORMATION OF HISTORICAL MEMORY (FROM THE EXPERIENCE OF PUBLISHING A COLLECTION OF DOCUMENTS AND MATERIALS «SOCIAL POLICY OF LATE STALINISM»)

L. Lazareva

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify the role of the publication of archival documents in the formation of the historical memory of society.

Methodology. The work is based on the author's experience in preparing documentary publications, as well as on the generalization of existing data from domestic and foreign historiography.

Results. In the new reality of information wars and technologies that allow manipulating public consciousness, the formation of historical memory based on reliable information about the country's past is of strategic importance. The publication of documentary collections makes it possible to effectively counter the threat of loss of sovereignty, acting as a kind of «doctor» for the historical memory of society. The search for the causes of the death of the USSR requires an analysis of the «Stalinist» socio-economic model, which remained the «skeleton» of the Soviet «project» even after the 20th Party Congress. It determines the relevance of the publishing project, implemented on the basis of the funds of the Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI) under the leadership of Doctor of Historical Sciences, prof. V. V. Zhuravlev.

Research implications. The line of documentary publications, which include «The economic legacy of late Stalinism. 1947–1953» and «Social policy of the USSR in the postwar years. (1947–1953). Documents and materials», has already been published and highly appreciated by researchers. These publications allow us to compare the long-term concept of the country's development with its practical implementation in post-war social policy, revealing both the grandiosity of the plans and goals, and the price paid by the society for trying to implement them.

Keywords: The death of the USSR, information wars, historical memory, late Stalinism, documentary publication, social policy, Soviet economy, catching up modernization

Acknowledgments. The research was prepared with the financial support of the RSF grant draft 21-09-43005.

Введение

Проблема исторической памяти народа получила дополнительный импульс осмысления в связи с 30-летием геополитической катастрофы – гибели СССР. По мере отдаления от советского прошлого нарастает процесс подмены реального образа страны на мифологизированные представления, причём как с положительной, так и с отрицательной коннотациями¹.

Тревога по этому поводу понятна и обоснована: «корректировка» сведений о прошлом в массовом сознании, не отвечающая критериям достоверности и правдивости, угрожает суверенитету государства, деформируя самоидентификацию нации [15, с. 42].

Доктор исторических наук, профессор В. Э. Багдасарян в монографии «Матрицы общественного сознания» анализирует

вая газета : [сайт]. URL: <https://novayagazeta.ru/news/2020/03/24/160050-levada-tsentr-75-rossiyan-schitayut-sovetskuyu-epohu-luchshim-periodom-v-istorii-strany> (дата обращения: 25.11.2021).

¹ «Левада-центр»: 75% россиян считают советскую эпоху лучшим периодом в истории страны // Но-

опасность научного знания, нацеленного на прикрытие политических «проектов» [2]. Ценности и нормы, формируемые с его помощью, могут работать на задачу десуверенизации России. Попытка «втиснуть» процесс развития страны в «штампы» западных теорий, обесценивающих её нелегкую историческую судьбу через маркирование особенностей развития в качестве отклонений от «столбовой дороги» «передовых» цивилизаций, создаёт для этого удобренную почву. В контексте проблемы сохранения исторической памяти общества вырисовывается действительно тревожная ситуация, позволяющая прогнозировать высокую вероятность осуществления манипуляций с общественным сознанием.

Методология исследования причин распада СССР

Признавая справедливость и важность проблемы сохранения исторической памяти, вместе с тем необходимо обратить внимание на то, что методология исследования – лишь инструмент в умелых руках историка. Очень многое (если не всё) зависит от его гражданской позиции и профессионализма. Например, используя для скрупулёзного комплексного анализа российских реформ теорию модернизации¹, профессор В. В. Журавлёв смог вывести осмысление советского «рывка» на новый уровень [2, с. 31; 6, с. 663–671].

Суть выводов Валерия Васильевича можно сформулировать следующим образом: отечественная элита (имперских ли, советских или либеральных времён) искала образцы для подражания. На рубеже XIX и XX вв. реформаторы стремились опереться на конструкции, сформированные другой цивилизационной матрицей и поэтому не эффективные для России. На этапе конструирования модернизации большевиками их эталон базировался на научной теории К. Маркса,

построенной на анализе западного индустриального рывка, продвинувшегося гораздо дальше, чем отечественный. В позднем СССР идеологи «шоковой терапии» очень плохо представляли себе механизмы фридмановского монетаризма, воплощённые в экономической политике, получившей в Великобритании название «тетчеризм», а в США – «рейгономика»; их «дорожная карта» опять имела мало общего со своими реальными прототипами. Отсюда следуют выводы:

– во-первых, советский период является закономерным этапом тысячелетнего пути страны, причём наследующим традиции «революции сверху»;

– во-вторых, условием обретения стратегии, обеспечивающей достижение новых высот, выступает становление культуры реформирования, которая «... не отторгая внешнего опыта, не останавливаясь перед заимствованиями, идущими извне...», будет способна их переакцентировать так, чтобы включить в «...систему собственных мировоззренческих, нравственных и поведенческих координат» [6, с. 670].

Основой такого развития могут быть только «кристаллы роста», накопленные в толщах практического воплощения теоретических постулатов властных элит в прорыве – «через тернии к звездам» – в тесный круг государств-вершителей истории XX в. [3].

Таким образом, важнейшим способом противостояния интеллектуальной атаке против российского государства становится соблюдение базовых принципов исследования – объективность и историзм, способных обеспечить достоверность и непредвзятость изложения материала. Для историка это требование невыполнимо при отсутствии широкой источниковой базы, не позволяющей отрываться от фактов или интерпретировать их вне контекста.

Вместе с тем, исходя из угроз, формируемых широким распространением социальных сетей, из-за которых стре-

¹ Сложившуюся под воздействием холодной войны в качестве её своеобразного орудия.

нительно увеличилась степень влияния на общество информации, получаемой через этот канал, в ряд первоочередных требований к профессиональному цеху историков выдвигается запрос на «открытие» широкой публике «сокровищ», хранящихся в архивах. Источники, без прикрас отражающие реальность прошлого страны и позволяющие выявить механизмы, использованные для реализации её долгосрочной стратегии развития, обоснованно доказывают некорректность и предвзятость политизированных теорий.

Складывая разрозненные «пазлы» в единую картинку, документальные источники позволяют почувствовать «ткань» истории, выявляя массу субъективных и объективных факторов, формировавших то или иное событие, создавших рамки, в которых действующим лицам нередко приходилось делать выбор, понимая, что все сценарии – плохие. Именно даруемая возможность осознания сложности и нелинейности исторической траектории делает материалы, хранящиеся в архивах, своеобразным «доктором» исторической памяти.

В контексте осмысления причин гибели СССР очень верным представляется мнение доктора исторических наук Д. В. Маслова: «опыт перестройки, помимо прочего, показал необходимость бережного и уважительного отношения к собственной истории, недопустимости в этих вопросах спешки и стремления к простым ответам на любые вопросы» [15, с. 57].

Вместе с тем анализ геополитической катастрофы – гибели страны, занимавшей 1/6 часть земного шара, по-прежнему формирует дискуссию не только в общественном пространстве, но и в экспертном сообществе. Пожалуй, сложно будет сформулировать суть дискуссии лучше, чем это сделал американский экономист П. Грегори. Исследователь ёмко обозначил проблему: «лошадь» или «жокей» – «система» или «исполнители»? [5].

Почему социально-экономическая модель, обеспечившая стране модернизационный рывок, выдержавшая экзамен Второй мировой войны, в кратчайшие сроки восстановившая разрушенное народное хозяйство, с задачей «встроиться» в постиндустриальное общество, адекватно отвечая его вызовам, не справилась? Часть авторитетных отечественных и зарубежных исследователей [5; 14] отвечает: советская экономика была не реформируема, т. е. виновата система. В то же время, не менее уважаемые их коллеги [1] отстаивают другую точку зрения: дело в исполнителях – советской властной элите, которая не смогла, корректируя или заменяя «механизмы» «сталинской» модели вывести страну из «тупика перестройки» [10; 12].

Из анализа позиций оппонентов следует вывод: невозможно приблизиться к истине (которой, как известно, суждено родиться из спора), не проведя глубокий комплексный анализ «сталинской» социально-экономической модели. Именно она, сформировавшаяся на базе ленинской стратегии строительства нового общества в реалиях российского капитализма начала XX в., деформированная решением задач модернизационного рывка в специфических рамках «советского проекта», и оставалась «скелетом» народно-хозяйственного механизма страны весь отпущенный СССР срок. Причём только привлечение широкой источниковой базы позволит не причинить вреда формированию и консолидации исторической памяти, свалившись в сложившиеся «штампы» о заведомой экономической неэффективности или тоталитаризме, как «генетической» особенности отечественной властной вертикали [4].

Не меньший вред может принести и сбрасывание со счетов цены, заплаченной советским народом за модернизационный рывок, или игнорирование эффективности запроса на корректировку хозяйственного механизма. Для поста-

новки обоснованного диагноза, а следовательно, и для формирования эффективной долгосрочной стратегии РФ, и для консолидации исторической памяти общества требуется чёткое понимание: корни каких именно особенностей современного развития страны «растут» из советского прошлого¹.

Исходя из обозначенной позиции, имеет огромное и научное, и общественно-политическое значение публикация документов позднего сталинизма в проекте Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), работа над которым ведётся под руководством лауреата Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники, профессора В. В. Журавлёва.

В оба уже вошедшие в научный оборот сборника² включены делопроизводственные документы ЦК партии, большая часть которых имела гриф «Секретно». Учитывая особенности властной вертикали советского периода, очевидно, что эти источники, информировавшие высшие круги о положении дел в стране или раскрывавшие направления «мозгового штурма» фундаментальной попытки анализа сформировавшейся социально-экономической модели, содержат достоверную информацию для узкого круга «вершителей судеб».

Оба сборника связаны единой концепцией: подборка документов и материалов выявляет взаимообусловленность долгосрочной стратегии, специфики механизмов её реализации и особенностей практики социальной политики. Благо-

даря выбранному ракурсу, внимательные читатели получают возможность составить собственное мнение не только о фундаментальном, растянувшемся на десятилетия «мозговом штурме», нацеленном на осмысление пройденного страной пути и сложившейся социально-экономической модели. Наряду с этим документы позволяют соотнести величие «горних далей», в кои направляла страну долгосрочная стратегия, с реальностью бытия, делая зримой и цену, заплаченную послевоенным обществом за попытку их воплощения, раскрывая дихотомию героического и трагического, наполнявшего поздний сталинизм.

В сборник «Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии. 1947–1953 гг.: документы и материалы» составители включили материалы рабочих групп, трудившихся над проектом новой программы партии – документа, определяющего в условиях советской системы долгосрочную стратегию развития страны. Их анализ позволяет сделать вывод: обществоведы в своём поиске оставались в рамках парадигмы модернизационного рывка, опирающегося на внутренние ресурсы страны. Это формировало приоритеты: от тяжёлой индустрии по-прежнему требовалось обеспечить базу для отечественного машиностроения и обороны.

Вместе с тем коммунизм, для строительства которого большевики брали власть, представлялся близким к партийным кругам экспертам обществом изобилия. Для составления «дорожной карты» движения к нему требовалось найти решение задачи одновременного обеспечения накопления (инвестирование в расширенное воспроизводство диктовалось запросами незавершённого модернизационного рывка) и потребления (послевоенному обществу, балансировавшему на грани выживания, был необходим рост уровня жизни). В проектах всех 4 авторских групп, работавших над новой программой партии, ставка делалась на рост произво-

¹ Беляков Е. Главное препятствие для нас – мы из Советского Союза // Комсомольская правда : [сайт]. URL: <https://www.kp.ru/daily/28312/4453810/> (дата обращения: 03.08.2021).

² Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг.: Документы и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М.: Научно-политическая книга, 2020. 718 с.; Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии. 1947–1953 гг.: документы и материалы / сост. В. В. Журавлёв, Л. Н. Лазарева. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 647 с.

дительности труда. Внедрение инноваций и сочетание моральных и материальных стимулов должно было обеспечить «подтягивание» сектора «Б», производящего товары широкого потребления¹.

В планах «сталинских» обществоведов развитие механизации и автоматизации, требовавших высокого образовательного уровня от работников, формировало предпосылки для преодоления противоречия умственного и физического труда – ещё одного важного условия перехода на новый виток развития².

Совокупность же всех 3 составляющих – качественно новый уровень техники и технологий, образование и достигнутое в итоге изобилие – должна была обеспечить базу для преобразования культурно-бытовых условий жизни в деревне. Таким образом, планировалось покончить и с противоречием города и деревни, уничтожив заодно классовые различия в результате формирования единой общенародной собственности³.

Авторский коллектив под руководством Г. Ф. Александрова попытался даже наметить конкретные этапы перехода к коммунистическому принципу распределения:

– в ближайшие 5–10 лет распределение по потребностям основных продуктов питания, промышленных товаров первой необходимости и массового спроса;

– за рамками ближайшего десятилетия – распределение по потребностям всех предметов потребления⁴.

Такой подход вызвал возражения со стороны группы П. Ф. Поспелова.

Эти разработчики проекта новой партийной программы отталкивались от

проблемы воспитания человека, способного жить в новом обществе. Они считали, что сущность внедрения автоматической системы машин в производственные процессы состоит в обеспечении возможности для большинства выбора занятия, основанного на призвании. Кроме того, стремительный рост производительности труда позволит выделять больше времени на досуг. Из такого посыла логично следовал вывод: переход к коммунистическому принципу распределения необходимо начинать с культуры⁵.

Ни научное сообщество, ни первый адресат, к которому направляли на рассмотрение свои проекты рабочие группы – лидер партии, оказались не готовы к такой постановке проблемы. Слишком уж разителен был диссонанс с окружающей действительностью.

Возможно, и по этой причине центр тяжести работы над долгосрочной стратегией развития страны был перенесён в Госплан. Основной задачей Генерального перспективного плана стало перевести намеченные алгоритмы движения к коммунизму на язык плановых проектировок, просчитав требующиеся для их реализации ресурсы и сроки [16].

Уже после того, как курировавший эту работу Н. А. Вознесенский был репрессирован, «мозговой штурм» вышел на новый виток, трансформировавшись в формирование теории политической экономии – науке, призванной осмыслить особенности сложившейся социально-экономической модели и дать прогноз её развития⁶.

Итоги экономического совещания подвёл И. В. Сталин в работе «Экономические проблемы социализма в СССР» [8]. Резюмировал результаты послевоенного «мозгового штурма» и вышедший в 1954 г. учебник политической экономии,

¹ Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии. 1947–1953 гг.: документы и материалы / сост. В. В. Журавлёв, Л. Н. Лазарева. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 44–46.

² Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии. 1947–1953 гг.: документы и материалы / сост. В. В. Журавлёв, Л. Н. Лазарева. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 45.

³ Там же. С. 46.

⁴ Там же. С. 45.

⁵ Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии. 1947–1953 гг.: документы и материалы / сост. В. В. Журавлёв, Л. Н. Лазарева. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 647 с.

⁶ Там же. С. 189–441.

обсуждение макета которого и было поводом для широкого обмена мнениями экспертного сообщества в ноябре–декабре 1951 г. [7].

На страницах учебника была описана «сталинская» социально-экономическая модель: централизованное планирование по принципу «единая фабрика» опиралось не только на административные, но и на экономические методы стимулирования хозяйствующих субъектов. К тому же рыночный сектор играл заметную роль в производстве средств потребления, где приветствовались деятельность кустарей, артелей инвалидов, потребкооперация. Важную роль стабилизирующего механизма брало на себя снижение цен и госзаймы. Снижение цен стимулировало рост производительности труда, поддерживало малоимущие слои населения, имело социально-психологическое значение, примеряя население с тяжёлыми условиями жизни и внушая веру в лучшее «завтра». Госзаймы убирали «денежный навес», решали проблему «отложенного спроса» [13, с. 477–478, 539, 554].

Сборник «Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг. Документы и материалы» позволяет сопоставить представления теоретиков с реальностью позднего сталинизма, выявляя важнейшие механизмы, без которых «сталинская» модель не могла эффективно обеспечивать достижения стоящих перед ней целей.

«Гуру» советского планирования утверждали: в качестве «амортизатора» его недостатков использовался механизм обсуждения промфинплана – рабочие, получив сверху задание, должны были наметить не только пути его реализации, но и его перевыполнения¹. Вместе с тем, как мы обсуждали выше, стратегическое значение в планах теоретиков имел рост производительности труда. Отсюда важность анализа, основанного на при-

влечении документальных источников, практики «сталинской» модели. Именно такой подход использовали составители при определении структуры сборника, освещающего послевоенную социальную политику.

В раздел «Рабочие и горожане» включены результаты анализа ЦСУ Госплана СССР численности рабочих и служащих, их образовательного уровня и половозрастного состава². Таким образом, читатель получает представление о послевоенном обществе, состоящем из недавних фронтовиков и тружеников тыла, которые в тяжелейших условиях разрухи показали чудеса трудового героизма.

Мобилизационная стратегия, выбранная лидерами партии, противоречила смягчению трудовых отношений, резко сужая возможности перевода их в формат, соответствующий действующей конституции³.

Ключевое значение роста производительности труда в «сталинской» модели подтверждается важностью, которую придавали партийные органы моральным и материальным мерам по его стимулированию⁴. Причём анализ документов выявляет понимание советскими лидерами невозможности значительной интенсификации труда без улучшения материально-бытовых условий трудящихся. Хорошей иллюстрацией данного вывода служит отчёт уполномоченного контрольно-партийной комиссии при ЦК ВКП(б) по Хабаровскому краю И. Гурова, направленный Г. М. Маленкову. В нём проверяющий, указывая выявленные причины проблем с трудовой дисциплиной на обследованном им производстве, пишет: «Неудовлетворительное состояние трудовой дисциплины объяснилось также плохими жилищно-бытовыми ус-

¹ Кржижановский Г. М. Доклад в Выборгском Доме культуры. 20 декабря 1929 г. М.: Госплан СССР, 1930. 37 с.

² Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг.: Документы и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М.: Научно-политическая книга, 2020. С. 371–393.

³ Там же. С. 405–430.

⁴ Там же. С. 435–464.

ловиями работающих»¹. С партийным чиновником можно согласиться – в разделе сборника «Жилищно-бытовые условия» собраны материалы, раскрывающие перед читателем послевоенную «стратегию выживания», как метко охарактеризовала повседневность данного периода Е. Ю. Зубкова [9, с. 25].

Объективность запроса на увеличение инвестиций в сектор «Б» (производство предметов потребления) противоречила «сталинской» долгосрочной стратегии, по-прежнему расставлявшей приоритеты в пользу сектора «А». Вместе с тем усилия и кооперации, и местной промышленности были нацелены на решение данной проблемы². С другой стороны, нехватка самого необходимого на потребительском рынке мотивировала рост оказания услуг и продажи товаров частниками. Докладная записка Л. З. Мехлиса, адресованная И. В. Сталину, характеризует противоречивую роль рыночного сектора, встроенного в плановую модель³. Таким образом, анализ реалий хозяйственного механизма дополняется важным уточнением: идеологическая составляющая заставляла советских руководителей закрывать «лазейки капитализма», формируя «прокрустово ложе» для частной инициативы.

В данном контексте интерес для исследователя представляет раздел «Финансовые механизмы социальной политики»⁴. В него вошли документы как характеризующие «узкое» место «сталинской» модели (удовлетворение платёжного спроса и снабжение населения), так и роль снижения цен и государственных займов (балансирование доходов и товарного покрытия). Если в стратегических замыслах снижение цен характеризовалось в качестве механизма перехода к комму-

нистическому принципу распределения, то благодаря анализу практики хозяйствования, исследователь получает представление и об использовании его как «пружины надежды» на лучшее будущее, обеспечивающей общественное согласие и приятие большинством граждан долгосрочных планов советских лидеров.

Ни долгосрочная стратегия, ни внутренняя политика не могут объективно анализироваться без учёта фактора стремительно развернувшейся холодной войны, во многом и сформировавшего решения лидеров партии и правительства.

Материалы, освещающие подготовку, ход и итоги Международного экономического совещания (МЭС), включённые в «Сталинское экономическое наследство...» дополняют документы, раскрывающие значение «дедоларизации» рубля – перевода советских денег на золотое содержание из второго сборника⁵. Сопоставление документальных источников косвенно подтверждает гипотезу, высказанную В. Ю. Катасоновым о замыслах руководителей СССР по созданию альтернативы долларовой рынку [11].

Заключение

Итак, сборник «Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг.: документы и материалы» значительно расширяет документальную базу исследования позднего сталинизма. Он адресован как профессиональному сообществу, так и широкому кругу читателей, интересующихся отечественной историей. Таким образом, вдумчивый и внимательный читатель получает возможность для собственного анализа и формирования непредвзятого мнения о реалиях истории советского периода.

Именно расширение подобных документальных публикаций будет способствовать нахождению общего языка

¹ Там же. С. 435.

² Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг.: Документы и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М.: Научно-политическая книга, 2020. С. 552–571.

³ Там же. С. 577–590.

⁴ Там же. С. 77–361.

⁵ Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг.: Документы и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М.: Научно-политическая книга, 2020. С. 230–234.

между профессионалами и дилетантами, историческую память, исключая опасную между экспертным сообществом и за- мифологизацию прошлого. мифологизацию прошлого. всегда данными острых дискуссий в социальных сетях, формируя и консолидируя

Дата поступления в редакцию 01.12.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллен Р. От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции. М.: РОССПЭН, 2013. 389 с.
2. Багдасарян В. Э. Матрицы общественного сознания. М.: Наше завтра, 2021. 416 с.
3. Галушка А. С., Ниязметов А. К., Окулов М. О. Кристалл роста к русскому экономическому чуду. М., 2021. 360 с.
4. Гетти А. Практика сталинизма: большевики, бояре и неумирающая традиция. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 374 с.
5. Грегори П. Политическая экономика сталинизма. М.: РОССПЭН, 2008. 398 с.
6. Журавлёв В. В. Дихотомия реформ и революций в процессах модернизации России (некоторые итоговые суждения) // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. Т. 4 / отв. ред. И. Н. Данилевский. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 663–671.
7. Журавлёв В. В., Лазарева Л. Н. ...Нужно поднять уровень экономических знаний // Родина. 2014. № 3. С. 54–61.
8. Журавлёв В. В., Лазарева Л. Н. Нельзя «преобразовывать» законы». Экономическая дискуссия 1951 г. в оценке И. В. Сталина // Исторический архив. 2013. № 2. С. 45–77. № 3. С. 3–20.
9. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.
10. Кара-Мурза С. Г. Крах СССР. Кто виноват. М.: Родина, 2021. 448 с.
11. Катасонов В. Ю. Бреттон-Вудс: ключевое событие новейшей финансовой истории: к 70-летию Бреттон-Вудской международной конференции. М.: Кислород, 2014. 350 с.
12. Колганов А. И. Путь к социализму: пройденный и непройденный: от Октябрьской революции к тупику «перестройки». М.: ЛЕНАНД, 2018. 400 с.
13. Политическая экономия : учебник / ред. К. В. Островитянов и др. М.: Госполитиздат, 1954. 638 с.
14. Попов Г. Х. Реформирование нереформируемого. Попытка Алексея Косыгина. М.: Международный университет, 2009. 527 с.
15. Проблема формирования исторического сознания в современной России / Н. И. Смоленский, Д. В. Маслов, В. Э. Багдасарян, С. В. Журавлёв, Н. А. Яснитский // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 4. С. 42–77.
16. Симонов М. А. Проект построение коммунистического общества в СССР по Генеральному хозяйственному плану 1951–1970 гг. // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 2. С. 27–35.

REFERENCE

1. Allen R. *От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции* [Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2013. 389 p.
2. Bagdasaryan V. E. *Матрицы общественного сознания* [Public Consciousness Matrices]. Moscow, Nashe zavtra Publ., 2021. 416 p.
3. Galushka A. S., Niyazmetov A. K., Okulov M. O. *Кристалл роста к русскому экономическому чуду* [Growth crystal to the Russian economic miracle]. Moscow, 2021. 360 p.
4. Getti A. *Практика сталинизма: большевики, бояре и неумирающая традиция* [Practicing Stalinism: Bolsheviks, Boyars, and the Persistence of Tradition]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2016. 374 p.
5. Gregory P. *Политическая экономика сталинизма* [The political economy of Stalinism]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 398 p.
6. Zhuravlyov V. V. [Dichotomy of reforms and revolutions in the processes of modernization of Russia (some final judgments)]. In: Danilevsky I. N., ed. *Реформы в России с древнейших времен до конца*

- XX в. Т. 4 [Reforms in Russia from ancient times to the end of the 20th century. Vol. 4]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2016, pp. 663–671.
7. Zhuravlyov V. V., Lazareva L. N. [...We need to raise the level of economic knowledge]. In: *Rodina* [Homeland], 2014, no. 3, pp. 54–61.
 8. Zhuravlyov V. V., Lazareva L. N. [It is not allowed to «transform» laws. The economic discussion of 1951 estimated by I. V. Stalin]. In: *Istoricheskii arkhiv* [Historical Archive], 2013, no. 2, pp. 45–77, no. 3, pp. 3–20.
 9. Zubkova E. Yu. *Poslevoennoe obshchestvo: politika i povsednevnost. 1945–1953* [Post-war soviet society: politics and everyday life. 1945–1953]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1999. 229 p.
 10. Kara-Murza S. G. *Krakh SSSR. Kto vinovat* [The collapse of the USSR. Who is to blame]. Moscow, Rodina Publ., 2021. 448 p.
 11. Katasonov V. Yu. *Bretton-Vuds: klyuchevoe sobytie noveishei finansovoi istorii: k 70-letiyu Bretton-Vudskoi mezhdunarodnoi konferentsii* [Bretton Woods: a key event in recent financial history: on the occasion of the 70th anniversary of the Bretton Woods International Conference]. Moscow, Kislorod Publ., 2014. 350 p.
 12. Kolganov A. I. *Put k sotsializmu: proidennyi i neproidennyi: ot Oktyabrskoi revolyutsii k tupiku «perestroiki»* [The path to socialism: passed and not passed: from the October Revolution to the dead end of «perestroika»]. Moscow, LENAND Publ., 2018. 400 p.
 13. Ostrovityanov K. V., ed. *Politicheskaya ekonomiya: uchebnik* [Political economy: textbook]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1954. 638 p.
 14. Popov G. Kh. *Reformirovanie nereformiruемого. Popytka Alekseya Kosygina* [Reforming the unreformed. Attempt by Alexei Kosygin]. Moscow, Mezhdunarodnyi universitet Publ., 2009. 527 p.
 15. Smolensky N. I., Maslov D. V., Bagdasaryan V. E., Zhuravlev S. V., Yasnitsky N. A. [The problem of the formation of historical consciousness in modern Russia]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2021, no. 4, pp. 42–77.
 16. Simonov M. A. [The draft of building a communist society in the USSR according to the General Economic Plan 1951–1970.]. In: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Vyatka State University], 2017, no. 2, pp. 27–35.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лазарева Любовь Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: laz_dom@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyubov N. Lazareva – Cand. Sci. (Historical), Assoc. Prof., Department of Recent History of Russia, Moscow Region State University;
e-mail: laz_dom@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лазарева Л. Н. Вклад архивных документов в формирование исторической памяти (из опыта публикации сборника документов и материалов «Социальная политика позднего сталинизма») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 1. С. 52–61.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-52-61

FOR CITATION

Lazareva L. N. Contribution of archival documents to the formation of historical memory (from the experience of publishing a collection of documents and materials «Social policy of late Stalinism»). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 1, pp. 52–61.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-52-61